

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Зеленый шум

Annotation

В сборник «Зеленый шум» известного русского советского писателя М.М. Пришвина (1873–1954) вошли его наиболее значительные произведения, рассказывающие о встречах с интересными людьми, о красоте русской природы и животном мире нашей страны.

- [Михаил Михайлович Пришвин](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Михаил Михайлович Пришвин
Медведи

Тигрик облаял берлогу в одном из самых медвежьих углов бывшей Олонецкой губернии, в Каргопольском уезде, в тринадцатом квартале Нименской дачи, недалеко от села Завондошье. Павел Васильевич Григорьев, крестьянин и полупромышленник, легким свистом отозвал Тигрика, продвинулся на лыжах очень осторожно, в чаще и на полянке с очень редкими тонкими елками привычным глазом под выворотнем, защищающим лежку медведя от северного ветра, заметил довольно большое, величиной в хороший блин, чело берлоги. Знакомый с повадкой медведей и, как северный житель, спокойный характером, Павел, чтобы совершенно увериться, прошел возле самой берлоги: зверь не встанет, если проходить не задерживаясь. Глаз не обманул его. Продушина в снегу была от теплого дыхания. Зверь был у себя. После того охотник обошел берлогу, время от времени отмечая эту свою лыжницу чирканьем пальцем по снегу. По этому кругу он будет время от времени проверять, не подшумел ли кто-нибудь зверя, нет ли на нем выходных медвежьих следов. А чтобы сбить охотников за чужими берлогами и озорников, рядом с замеченным он сделал несколько ложных кругов.

Через несколько дней после этого события Тигрик облаял и второго медведя в семнадцатом квартале той же Нименской дачи. В этот раз полянка была сзади выворотня, защищающего лежку от северного ветра, зверь лежал головой на восток, глядел на свою пяту и частый ельник. Окладчик продвигался из этого крепкого места и чуть не наехал на открыто лежащего зверя. В самый последний миг он сделал отворот и прошел, не взбудив, всего в трех шагах. Случилось вскоре во время проверки круга недалеко он нашел вторую покинутую лежку того же самого зверя и по размеру ее догадался, что зверь был очень большой. Вот эта догадка и сделала, что обе берлоги достались не вологодским, не архангельским, а нашим московским охотникам. Вологодские давали по пятьдесят рублей за берлогу. Павел просил по девять рублей за пуд битого медведя, рассчитывая на большого, или по шестьдесят за берлогу. Во время этих переговоров Павел на счастье послал письмо в наш Московский союз.

Эта волна медвежьего запаха, попавшая сначала в нос Тигрика, потом в охотничье сознание Павла Григорьевича в Завондошье, охотникам в Вологду, в Москву, очень возможно, не дошла бы до меня в Загорск, если бы я не устал от беготни по своим делам в Москве, где бываю всегда

обыденкой. Мне осталось заглянуть в «Огонек», но редакция была на Страстном, а я был на Никольской вблизи «Московского охотника». Я решил завернуть в охотничью чайную и отдохнуть. Чудесный мир для отдыха в этой чайной комнате, где собираются охотники и часами мирно беседуют: старые о былом, молодые о будущем. И нет такого места на земле, где бы так дорожили писателем, добросовестно изображающим охоту и природу. Но кто знает, не будь их охотничьи сердца целиком заняты сменой явлений в любимой природе, быть может, они бы стали самыми восторженными читателями общей литературы. Раз одному пожилому я рассказал о Гоголе и подарил книги. Гоголь открыл ему целый мир. Как счастлив был этот человек, до сих пор не слышавший о Гоголе, как я завидовал ему. Но вот пришло время тому же старику мне позавидовать: я, всю жизнь занимавшийся охотой, ни разу не бывал на медвежьей берлоге!

– Да как же это вы? – спросил меня старик, до крайности удивленный.

И вот тут-то я познакомился с первым письмом окладчика Павла и обещал, если все сладится, ехать. Так медвежья волна, причуянная Тигриком, дошла до меня.

Отдохнув в чайной, я отправился в «Огонек» и между прочим проболтался в беседе с редактором о предстоящей медвежьей охоте. Известно, какое преувеличенное изобразительное значение придают фотографии в иллюстрированных журналах. Пыл редактора передался и мне, я обещал ему, если поеду, взять с собой и фотографа.

– Если убьете медведя, – сказал редактор, – решусь на обложку и разворот.

Я не понимал, он пояснил: на обложке буду я с медведем и на обеих развернутых страницах журнала фотографии будут только медвежьи.

– Будьте уверены, – сказал он еще раз, прощаясь со мной, – у вас будет обложка и разворот.

Невозможно автору божиться в правде написанного: все эти клятвы читателями принимаются, как изобразительный прием. Но я клянусь всеми человеческими клятвами, что не о себе я думал, когда в ответ на присланную мне через несколько дней телеграмму о благополучном продвижении переписки с окладчиком просил телефонировать в «Огонек» о фотографе. Мне просто хотелось сделать удовольствие охотникам, зная, как они любят сниматься с ружьями и убитыми зверями. Кто не видал таких фотографий! Но оказалось, медвежьи охотники – люди совсем иного закала: им важно добыть медведя, а не свое изображение лишней человек, особенно фотограф, для них только горе. Они были в отчаянии и лишь из уважения ко мне позволили. Только в самом конце охоты мы поняли

требования фотографа и убедились, что он был вовсе не трус, но как было понять это вначале, если в первых словах фотограф спросил, можно ли ему на охоте пользоваться лестницей и где достать спецодежду, в которой легко бегать. В чайной до вечера был хохот, и медвежьи охотники успокоились в решительный момент фотограф не будет мешать и убежит.

Вскоре после того окладчик в последнем письме неясно просил за одну берлогу шестьдесят рублей, а за другую по весу убитого зверя. На неясное письмо был дан неясный телеграфный ответ, но с точным обозначением дня приезда. Дело было покончено, медведи остались за московскими охотниками, а окладчик стал проверять круги, каждый раз прибавляя к этим окладам, отмеченным чирканьем пальцев по снегу, и лыжные.

Одни говорят, будто первое впечатление всегда обманчиво, и проверяют его до тех пор, пока не сотрут все его краски. Другие, напротив, целиком отдаются первым впечатлениям, уверенные, что сохраненные краски его значат для познания мира во всяком случае не меньше, чем твердые, верные факты. Я лично верно могу говорить только о том, что впервые увидел сам и удивился. Почему никогда я от зверей в зоопарке не получал таких впечатлений, чтобы они заставляли сами своей внутренней силой делиться с другими? Как бы ни было в зверинце искусно построено, непременно я схвачу какую-нибудь мелочь, все разгадаю, пойму, тут зверь сам не свой. И если бы в настоящем лесу на одно лишь мгновение мне удалось увидеть медведя, просто по своему делу переходящего поляну, мне кажется, в это мгновение знал бы я о нем больше, чем если бы целыми днями разглядывал его в зоопарке, снующего взад и вперед, или на улице, заключенного в цепи. Думается даже, если бы пришлось убить медведя в условиях нашей Московской губернии, это бы мне ничего не дало; изредка к нам заходят и ложатся медведи, но это уже пережиток, – у нас медведь по ошибке, он уже тут не у себя. Но теперь я бросаю все свои дела, чтобы поделиться восторгом от яркой весны света в таежных северных лесах, где в это время рожают медведицы и в ожидании скорого тепла лежат в своем полусне старые и молодые медведи. Перед моими глазами теперь северные худые, но сильные стволами высокие ели, на буреломных торчках подушечки, сложенные из бесчисленного множества слетавших за зиму снежинок, совершенно занесенные, обращенные в самые фантастические белые статуи кусты можжевельников. Сколько про себя срисовал я снежных фигур: тут был чудной старичок вроде фавна с рогами, и очень грустное лицо милой женщины, изящной, но с тяжелым мешком за спиной – кого-кого не было в засыпанном снегом диком лесу! Я все узнавал, называл и, если бы сто верст ехать, не устал бы читать фантастическую лесную зимнюю повесть. И особенно удивительно, что когда пришлось ехать обратно, то многих я опять узнавал и догадывался по ним, насколько мы приблизились к дому. Но самый как будто фантастический образ и в то же время самый реальный, по которому я чувствую себя самого, свою кровь, свое сердце и ум, это темнобурая голова из-под выворотня, занесенного снегом. Она выростала, как на восходе луна или солнце, из-под земли так же медленно и неуклонно и неизбежно, а я стоял в нескольких

шагах от нее и целился.

Полная луна Венера в кулак, Большая Медведица, все небо со всеми своими звездами так освещали снега, что мы различали следы не только лисиц, зайцев и белок, но даже цепочки белых куропаток и тетеревов. Так мы проехали от станции весело семь верст до села Завондошье. В двух комнатах Павла на полу спало все бесчисленное семейство. Тигрик, не стесняясь, ходил по старым и малым. Топор висел в воздухе. Все быстро пришло в движение, когда мы постучались. Спящих ребят перекинули в другую комнату, расчистили стол, возник самовар.

С этого разу начала обозначаться пропасть, разделяющая нас, безрассудно, бесцельно подступающих к опасным переживаниям, от человека, который хочет это снимать и показывать. Наши разговоры были фотографу скучными спецразговорами, а, как оказалось потом, от их направления при охоте на второго медведя зависела жизнь.

У меня не было штуцера, я легкомысленно, по незнанию этой охоты, взял свою легонькую гладкоствольную двадцатку.^[1] с жаканами^[2] По книгам я, конечно, знал, что выходить на медведя с жаканами из двадцатки рискованно. Мне так представлялось дома, что главным действующим лицом я не буду и пущу свои пули только, если случится с другими несчастье. Все оказалось по-иному. Я был хозяин одной берлоги, хозяином другой был стендовый стрелок, бухгалтер союза, чех родом. Мне случилось назвать его нечаянно греком, и да простит он меня – так и буду в шутку называть его Грек. Он был такой же новичок на берлоге, как и я, но вооруженный штуцером самого большого калибра. Третий охотник, старый медвежатник, ехал только распорядителем, защитником и учителем. Мы сразу стали называть его Крестным.

– Я бы не вышел на берлогу с двадцаткой, – сказал он, – но мы будем вас защищать, выходите.

Отказаться значило прослыть трусом. Конечно, и с жаканом можно при счастье отлично убить, но. Всякое время имеет свою технику и своего артиста. Будь теперь господствующим орудием борьбы с медведями рогатина и я на высоте искусства с ней обращаться, то это было бы совершенно не странно: гибнут неискусные, артисты гибнут случайно. Теперь время штуцера с экспрессными, разрушительными пулями, а с жаканом идут кустари, я не в эпохе, я не первый – вот что обидно: не первый со штуцером, не последний с рогатиной – середка наполовине.

– Нельзя ли, – сказал я, – посмотреть охоту на первого, а самому выходить на второго?

– Можно, – ответил Крестный, – но, может быть, второго не будет,

подшумим и уйдет, кто же будет описывать нашу охоту? И потом, какой же это материал: если быть только свидетелем, вам самому будет обидно.

Я согласился. Крестный предложил Греку отдать мне без жребия первый выстрел на первой берлоге. Превосходный товарищ без колебания ответил согласием.

Мы спали всего два-три часа. Великий дипломат и политик в медвежьих делах, наш Крестный только в самый последний момент, когда все было собрано и уже лошади готовы, приступил к объяснению неясного договора с окладчиком: мы даем или по шестьдесят рублей за берлогу, или по девять рублей с пуда убитого; в случае же мы упускаем медведя, платим шестьдесят.

Павел крепко задумался о шкуре неубитого медведя. И когда, наконец, он сказал твердо «все на вес», Крестный очень обрадовался, это значило, что медведи были не шуточные.

Перед самым отъездом Павел потребовал от нас четвертую подводку.

– Для кого?

Павел внимательно посмотрел на Крестного, и тот понял и велел поскорее подводку найти. Вслух сказать было нельзя: подводка была для будущего покойного медведя, в которого стрелять буду я.

Потом фотограф стал требовать лестницу и так настойчиво, что мы наконец поняли: она ему была нужна. Лестница скоро явилась вместе с четвертой подводкой. На долю фотографа выпало великое счастье.

Редко я видел такое сияние дня весны света. Таежный лес был пронизан золотыми лучами, везде следы рыси, лисиц, зайцев, белок, куропаток, тетеревов, глухарей. Глаза разбегались. И как особенно невыразимо прекрасно пахло снегом на солнце!

Не дорога, а след чьих-то саней в глубоком снегу. Сани наши и без разводов постоянно застревали между деревьями. Задетые дугой нависшие глыбы снега рушились на голову. Фотограф перед каждой аркой кричал нам сзади. Мы останавливались. Он снимал, а Крестный потихоньку ворчал:

– Опять представление.

Лес был очень серьезный. Ни одной дорожки, ни одной тропинки и если лыжня – то было всем нашим возчикам хорошо известно, кто, куда и зачем тут прошел. Так мало-помалу явилась и наша лыжня, все перед ней остановились: это был след окладчика к первой берлоге. Мы встали, скинули тулупы в сани, наладили лыжи. Крестный и Грек привели в готовность свои штуцера. Я вынул из футляра щегольское бекасиное ружье, сердце мое тут екнуло: с таким ружьем на медведя, и выстрел мой непременно.

Маэстро распоряжается:

– Поверните голову к солнцу, лица не видно, сдвиньте шапку.

Крестный шепнул мне:

– На него никакого внимания, идемте за окладчиком. А я запрещаю всем говорить.

Исчезла вся красота сияющего лазурью и золотом северного леса. Не до того! Мысль только, чтобы не задеть лыжей сучка, отлетающего на морозе с треском. Верста показалась за десять. И вот, наконец, мы перешли магический круг оклада. Павел, не останавливаясь, рукой и бородой показывает на север в чащу. Там спит медведь. Может быть, от него теперь мы в нескольких десятках шагов, и цель наша обойти чащу и на чистом месте оказаться против чела. Вот когда как самое желанное стала мечта, что в последний момент все сложится как-нибудь так, что сегодня я не буду стрелять и только посмотрю, а завтра, конечно, с радостью. Вернулись мучительные минуты далеких гимназических времен, когда вынимаешь билет на экзамене, а из головы все вылетело, ничего не помнишь и совершенно серьезно, по-настоящему молишься: да минует меня чаша сия. Еще мне было теперь все, как ответ на свои бесчисленные охотничьи рассказы, что если вдруг окажется, я только бумажный охотник и держусь на обмане. Да еще и так выходило, – если я обман как охотник, то непременно обман как писатель.

Вот показалась поляна с редкими елками. Окладчик остановился и показал.

Дело его кончено.

Теперь, если зверь выскочит и уйдет, я плачу ему за берлогу. Он достиг своего. Я выступаю. Он отходит назад. Я продвигаюсь, куда мне показано. Крестный слева меня обгоняет Грек справа. Впереди группа елочек, между ними виднеется выворотень, под ним в сугробе темнеет дырка величиною в шапку, и это значит чело.

Вдруг забота: начинают зябнуть пальцы от нечаянного прикосновения к стали стволов, и погреть невозможно, каждое мгновение зверь может выскочить. В двадцати шагах короткое совещание шепотом: Грек идет вправо в обход берлоги, на случай если у медведя есть выход назад. Крестный становится влево, стреляет, если я промахнусь или задену и раненый бросится в атаку.

Вот я теперь один против чела. Требуется сойти с лыж и обмять себе место. Погружаюсь в снег выше пояса. Чело берлоги исчезло. Как же теперь быть? Об этом нигде не написано, и никто мне об этом не говорил. Я в плену. Медведь сейчас уйдет, и я его не увижу. А Крестный устроился

высоко и шепотом велит мне продвигаться до елочек. Как так, елочки же в семи-восьми шагах от чела! Но я слушаюсь и лезу туда. Вот миновал их. Гляжу на старшего. Он кивнул головой. Нога сама обминает снег, выходит ступенька, потом другая, третья, показывается близко чело и то рыжеватое, что издали очень смущало, теперь уже не медведь, а внутренняя сторона выворотня. Я утвердился, свободен. Кто меня научил?

Что там делалось сзади, я не знал и вовсе даже забыл о фотографе и его лестнице. Все события впереди, и они совершаются и непрерывно нарастают. Грек растерялся и не понимает задачи беречь зад берлоги. Крестный выходит из себя, покрывается белыми и красными пятнами. Машет руками, громко шепчет. Грек понял, подался и вот.

Как ясно теперь мне и понятно, что борьба в себе свободного, гордого человека с трусом необходима, без труса нет испытания.

Уговаривать себя так же невозможно, как остановить сердце, а оно колотится все сильнее и сильнее. Кажется, немного еще, и оно разорвется, но вдруг черта, за которой нет больше борьбы, и трус исчезает: все кончено, я механизм, работающий с точностью стальной пружины в часах.

Такой чертой было ясное и довольно громкое слово Крестного:

– Лезет!

Что-то зашевелилось на рыжем. Я ждал, и мушка стояла на этом неколебимо. Стали показываться и нарастать медлительно, верно и неизбежно уши, такие же, как в зоопарке, и линия шерсточки между ушами, а мне нужна линия между глазами, и до этого, если так будет расти, очень долго. Все было, как если смотреть на восход луны и метиться мушкой.

Неужели всему этому огромному и спокойному времени мерой была одна наша секунда? Когда в промежуток этого необыкновенного времени сзади меня послышался голос, мне казалось, это было из какого-то давно забытого мира, где крошечные люди кишат, как в муравейнике. А это был голос фотографа с лестницы Крестному:

– Станьте немного левее!

Необыкновенно было, что воспитанный и утонченно-вежливый Крестный чисто по-мужицки ответил:

– Поди к чертовой матери!

Как раз в это время и показалась нужная долгожданная линия между глазами, такая же, как в зоопарке. Сердце мое остановилось при задержанном дыхании, весь ум, воля, чувства, вся душа моя перешла в указательный палец на спуске, и он сам, как тигр, сделал свое роковое движение.

Вероятно, это было в момент, когда медведь, медленно разворачиваясь от спячки, устанавливается для своего быстрого прыжка из берлоги. После выстрела он показался мне весь с лапами, брюхом, запрокинулся назад и уехал в берлогу.

Все кончилось, и зима вдруг процвела. Как тепло и прекрасно! Бывает ли на свете такое чудесное лето?

Медведя выволокли. Он был не очень большой. Но не все ли равно? Крестный обнимает и поздравляет с первой берлогой. Грек подходит сияющий. Крестный просит прощения у фотографа. Он оказался мужественным совсем около, сзади меня безоружный стоял на лестнице. Мы все теперь хотим ему услужить. И он пользуется. Повертывает нас направо, налево, то заставит согнуться, то прицелиться. Мнет нас, как разогретый податливый воск, и мы все ничего. Ему остается снять отдельно берлогу, а для этого ему надо срубить одну елочку. Как! Ту самую елочку, из-за которой медведь, может быть, и выбрал себе место под этим выворотнем! Ту самую елочку, что маячила мне, когда я к ней приближался в глубоком снегу и совершался суд надо мной – быть мне дальше охотником или не быть!

– Не надо! – сказали мы все.

И не дали рубить эту елочку.

До самой ночи мы разбирали сражение с медведем, занявшее всего несколько секунд, и после целого дня, проведенного на морозе, не хотелось, как обыкновенно на зимних охотах, выпить. Так во всей очевидности открывалось происхождение потребности пить вино из необходимости иллюзии в жизни, не удовлетворяющей всего человека. Весело было мне встать на другой день спозаранку, будить товарищей и слушать за чаем рассказ окладчика об этом втором, по его убеждению, огромном медведе. Как ему не знать, если он прошел от него всего только в трех шагах и видел своими глазами: медведь открыто лежал между двумя елками, с севера защищенный выворотнем. Но не то, что медведь большой и открыто лежит, веселило меня, а что я отделался и сегодня могу быть спокойным свидетелем и наблюдателем. Я поддразнивал Грека:

– Посмотрим, как-то вы, молодой человек!

На эти слова Крестный только улыбался. Он десятки раз бывал на берлогах, и еще ни разу не было, чтобы два случая одинаково складывались: всегда выходило по-разному, и очень часто предназначенный для последней роли на охоте занимал первое место. Были такие слова, я хорошо их запомнил, но когда мы приехали на место и стали заряжать ружья, все улетело. Чисто юношеские желания владели мной. Я представлял себе, что Грек, такой же неопытный, как и я, не сумеет нанести медведю убийную, поражающую на месте рану. Огромный медведь сбрасывает охотника в снег и сидит на нем. А я подхожу и всаживаю зверю два жакана между глазами. Я заговариваю себя не стрелять и беречь свои заряды для страшного случая.

Мы теперь продвигаемся на лыжах в новом порядке: впереди, как и вчера, конечно, окладчик, за ним Грек, хозяин берлоги, потом Крестный, а вслед за мной мальчишки Павла несут: один лестницу для фотографа, другой веревку для будущего нашего медведя. Сегодня, не стесненный тяжелой обязанностью, я заметил на одной мачтовой ели, на самой вершине, обыкновенные еловые шишки светились в лучах яркого солнца, как золотые шары, и над ними на последнем пальце ели во всей красе лазури весны света какая-то птичка сидела. А следы в этой глуши только рысь: медведь и рысь, это как-то вместе выходит, и, очень возможно, звери эти сознательно ищут друг друга.

Вдруг окладчик сделал знак всем остановиться. Лицо его очень

встревожено.

Не ушел ли медведь?

Скрывается в чаще и появляется. Продвигаемся дальше, но неуверенно. От одного к другому слух добежал до меня: окладчик круг потерял. Вероятно, поземок замел его чирканья пальцами по снегу, и теперь среди ложных кругов он не может найти свой настоящий оклад. Нам казалось, до медведя еще далеко. Ружья были замкнуты предохранителями, но мы все ошиблись, окладчик потерял не круг, а берлогу, мы же были в кругу.

Из частого ельника мы продвинулись к поляне. Вышел Павел, за ним вышел Грек и потом Крестный, все они трое в нескольких шагах друг от друга двигались уже на поляне. Мне оставалось пройти в трех шагах от двух стоящих рядом значительных елок. Я даже заметил сзади них стену выворотня, мне бы только опустить глаза чуть-чуть пониже, и я увидал бы. Но все трое охотников прошли, никто почему-то не опустил глаза вниз. И мы все бы непременно прошли.

На поляне стояло сухое желтое дерево без вершины. Последняя моя мысль в обыкновенном моем состоянии была: «Как странно, что окладчик по этому сухому, такому заметному дереву не может узнать свой круг». И как раз в этот самый момент Павел узнал и сделал знак нам остановиться. Мы поняли, – это он свой круг узнал, а он искал берлогу; вероятно, думал, что все мы давно готовы, и вдруг, узнав точно место берлоги, показал на меня. Настолько было неважно нам, что Павел узнал свой круг, что Крестный даже и не обернулся и не посмотрел в мою сторону. Я же, увидав знаки Павла, остановился. Идущий вслед за мной мальчик с лестницей принужден был тоже остановиться. И в тот момент, как мы остановились, я услышал сзади себя тревожный шепот мальчика с лестницей:

– Дяденька, дяденька!..

Мы потом сместили тот выворотень ровно в трех шагах от меня.

Я услышал рев где-то под собой в снегу. Рев этот был взрывами два раза и выражал собою то самое, что я видел вчера своими глазами, когда внутри темной дырки под выворотнем что-то зашевелилось и медленно стало принимать форму лесной головы. Я сбросился с лыж и утонул. Но ружье мгновенно стало к плечу, и глаз мой увидел не открыто, а с планки ружья через мушку не совсем то, что видят открыто глазами. Было очень отчетливо в голове: «Совершается то же самое, что и вчера, все очень знакомо, действуй так же, как и вчера». И началось то самое медленное время нарастает, нарастает. Вот знакомая полоска между ушами с шерстью становится все шире, шире, сейчас должны показаться маленькие глаза, и

тогда, конечно, прекрасно выйдет, как и вчера: сегодня мушка моя еще тверже, нет на земле такой стали, чтобы держала ее так же твердо, как моя рука. И вдруг полоска лба становится не шире, а уже, уходит назад, показывается нос и обнажается очень широкое горло. Как же быть? Я этого не знал, об этом никто не сказал, куда мне стрелять, горло такое огромное. Верней всего нужно разделить пополам и целить в середину. Такой выстрел часто бывает, когда нет времени разобраться, и охотник спускает курок с нелепою мыслью в последний момент: «Будь, что будет». Мой указательный палец в этот раз не собрал всего меня и как-то не сам по себе, а по моему неясному велению «будь, что будет» сделал движение.

Мне казалось, все происходило на очень большом пространстве, что стрелки были далеко от меня, но потом с точностью, проверяя долго друг друга, установили: Крестный стоял в четырех шагах от меня, Грек от него был в шести или семи. Но если так близко было, то почему Крестный не выстрелил в висок медведю, когда он поднимался почти возле меня? Он же лучше всех знал, что на широкой шее только случайно можно угадать место позвонка и что, если бы угадать, жакан из двадцатки, затронув отростки, может не разрушить основного хребта, что одного только конвульсивного движения лапы смертельно раненного зверя довольно, чтобы снести мне череп. Гибель моя была неизбежна, и Крестный не выстрелил. Как это понять?

Вот в этом-то и есть самое удивительное при охоте на опасного зверя: в такие моменты время бывает совершенно не то механическое, по которому мы заводим часы и ходим на службу. Это время было живое. Кто в жизни своей любил и боролся, сразу поймет меня. Кто ухитрялся трезво и с расчетом прожить, пусть залпом выпьет чайный стакан коньяку, и тогда, очень возможно, он тоже приблизится к пониманию этого времени. Оказалось из расспроса мальчика с лестницей для фотографа, он заметил медведя по движению лапы под выворотнем, одна из лап, прикрывавших глаза медведя в спячке, стала медленно отодвигаться, и тут он сказал свое: «дяденька, дяденька!» И потом все это: как зверь лез из берлоги, вырос больше меня, утонувшего в снегу, обнажил свое горло, вместе с тем последовательный ряд мыслей и действий вплоть до нажима указательного пальца на спуск, – всего этого времени было мало, чтобы Крестному обернуться назад на рев зверя и утвердить на лыжах позицию для выстрела. Грек все видел, но от него прямо за медведем показались возчики, они издали по любопытству крались за нами и тут как раз подошли Грек, увидев людей против мушки, на мгновенье смутился.

И потом, какое же ничтожное время нужно, чтобы подвинуть предохранитель, но когда я нажал на спуск, и выстрела в ревущего зверя не последовало, и я сделал одно движение глазами на предохранитель, передвинул пуговку на огонь и опять хотел прицелиться, широкий зад зверя, удаляясь, мелькал в частом ельнике. Наудачу, не считаясь с деревьями, я послал туда, как в бекаса на вскидку, свои два жакана. В этом частом ельнике со стороны Грека, стоявшего лицом к левому боку

уходящего зверя, наверное, была какая-нибудь проредь, отличный стрелок воспользовался мгновением и выстрелил тоже два раза. Мне было видно – зверь круто повернулся в сторону выстрела и с огромной, в ладонь, красной раной в левом боку пошел открыто через поляну в сторону Грека. Крестному этого маневра зверя не было видно, я крикнул ему: «Завернул, стреляй!» Крестный сделал шаг вперед, все увидел и выстрелил. И точно так же, как перед этим, зверь опять завернул в сторону выстрела. В это мгновенье голова его обнажилась для Грека; тот выстрелил, и медведь ткнулся носом в снег и остался лежать в нем неподвижно темно-бурым пятном.

И все это от самого начала и до конца, – кто поверит? – было в какую-нибудь одну долю минуты! Крестный, белый как снег, подходит ко мне и говорит: «Вы такой белый!» Грек о том же спрашивает Крестного, а сам такой же, как мы. Между тем все мы внутри не испытывали ни малейшего признака страха, потому что наш трус где-то гулял и не успел прибежать и помешать, когда мы расправлялись с внезапно вставшим медведем. Отчего же лица-то побелели?

Больше всего меня удивило, что и Павел тоже сделался белым. Не мог же он делать какой-нибудь разницы между жаканами и экспрессными штуцерными пулями, ему тоже не видно было, что сзади медведя шел народ. В наш охотничий опыт он сразу поверил, не сомневался ни на одно мгновенье, что мы трое, если он верно покажет, не выпустим медведя. Вот в этом-то, мне кажется, и было все дело: он должен был показать берлогу, и тогда ему все равно – убьем мы или зверь уйдет, но вышло так, что берлогу он потерял, зверь для нас нечаянно встал и удалялся. Если бы он ушел, то с ним ушло бы двенадцать с половиной пудов по девять рублей: сто двенадцать рублей пятьдесят копеечек! Надо переключить на свою жизнь каменнотвердые житные лепешки, полную избу ребят от самых маленьких, хождение на лыжах за двадцать верст для проверки берлоги, постоянную радостную мысль, что зверь лежит большой, дорогой. И вот на глазах он уходит! Тут, мой друг московский храбрый, доведись хоть до вас и то побелеете.

Наша прилипчивость к пережитой минуте, готовность разбирать ее без конца объясняется, конечно, общими законами человеческой природы схватить мгновение и купаться в нем всю жизнь. Но кроме всего этого, общего всем, у каждого из нас была и личная заинтересованность: правда, последняя пуля в голову, несомненно, была от Грека, но и без нее было ясно, что зверь бежал обалделый и все равно бы очень скоро упал, – так вот кто же из нас остановил зверя смертельным выстрелом? В этом выстреле каждый из нас был заинтересован и невольно представлял себе картину согласно интимному своему желанию. Стараясь это скрыть, мы уступали друг другу и кое-что выяснили, но только вскрытие с точностью могло установить роль каждого в борьбе с этим медведем.

С огромным трудом выволокли медведя из лесу на дорогу, и ночью он прибыл в село. Утром его втащили в избу, оттаяли и начали вскрывать. Мне теперь очень жаль, что не осталось на память фотографии. Медведь лежал задними ногами к красному углу на спине, а передние лапы его, у печки, были очень похожи на волосатые гигантские руки, закинутые через голову, чтобы схватить громадную русскую печь и со всей силой обрушить ее на меня. Я чувствовал слабость своего тела, и это перенесло мое воображение в такую даль времени, когда человек обладал такую же чудовищной силой и боролся с медведем на равных правах.

Ножик уже начал свое дело, открывая на темной шубе медведя белую полоску подкожного жира.

– Вот бы снять, – сказал я фотографу.

– Неприятная картина, – ответил он и удалился.

При первом взгляде на рану в левом боку, от которой медведь из ельника круто повернул на поляну и предстал мне с огромным красным пятном в боку, стало понятно, что мои жаканы были тут не при чем и, наверно, не долетев до медведя, застряли в частом ельнике. Эта рана была от разрыва пистонной экспрессной пули в ребро. Взрыв разбил три ребра, и обломок кости был найден в сердце. Оболочка пули со многими осколками была найдена тоже в сердце, легкое было иссечено, как дробинками. И с такую-то раной зверь мог бежать еще сорок шагов! Что если бы он завернул не на стрелков, а на возчиков? Рану эту нанес медведю Грек одним из первых своих выстрелов. Пуля Крестного вошла под лопаткой в левом боку, задела околосердечную сумку, разорвалась о ребра в правом

боку и совершенно уничтожила правое легкое. И все-таки после этой второй раны зверь несколько шагов пробежал. Только последняя пуля Грека, перезарядившего штуцер, попала в голову, и зверь ткнулся в снег. Физиологу трудно поверить моим словам, но так было. Эта живучесть медведя поразила меня. А между тем Павел уверял, что этот медведь с короткими и толстыми когтями не трогал скотины. Значения этой примете охотников, что будто бы медведь-озорник непременно должен быть с длинными тонкими когтями, я не придавал, но понял из этого: не всякий медведь нападает на скотину, большинство их раскапывает муравейники, слизывает землянику, малину, терпеливо собирает разные коренья, мед. Какое же знание леса, сколько труда надо затратить медведю, чтобы из этого скудного материала создать себе тесные синие мускулы! А Грек, повседневно занятый в бухгалтерии, выпросил себе у приятеля десяток экспрессных пуль и пускал их, очень возможно, не имея понятия о том, как они изготавливаются. И создатель их, какой-нибудь лабораторный работник, едва ли тоже умел пустить их и мало интересовался даже их назначением: ему бы только выдумать, бухгалтеру только пустить. Вот почему, вероятно, у медведя, собравшего в себя нераздельно всю силу леса, оказалась такая живучесть.

Жалко немного медведя, но и слава хороша, вот уж слава, так слава!

Рост нашей славы начался уже там, где медведи живут и постоянно встречаются с людьми летом в малинниках. Высыпали навстречу медведю стар и мал, и как они потом обходились с медведем, разглядывали, говорили, поднимали, качали его – трудно было отогнать мысль, что этот особенный, страстный интерес к владыке не является остатком древнего культа медведя. Давно ли я дома, начитавшись новейших статей ученых охотников о том, что будто бы медведя никогда не подымали на рогатину и что рогатиной убить его невозможно, что рассказы об охоте с рогатиной не больше как сказка, – я сам начинал уже склоняться к этому и увлекался происхождением легенды. Теперь к убитому медведю старики принесли ржавую рогатину, точно показывали, как в старину действовали ею: бросали будто бы на подъеме медведю в пасть шапку, он задерживался, и тут один всаживал в него рогатину, а другой бил топором по затылку. Лучше всех об охоте с рогатиной знал кум Ермоша, но, к сожалению, он был теперь на лесных заготовках: этот кум Ермоша не только понимал охоту с рогатиной, но даже одного порядочного уже медведя ремешком застегал.

В селе гул стоял до тех пор, пока, наконец, мы не уехали на станцию. Начальник оказался новым лицом и почти что за голову схватился, когда я

предложил ему отправлять медведя в неупакованном виде. Потом он бросился к книгам за справками и, поравняв битого медведя с битой скотиной, потребовал представить это дело на рассмотрение ветеринарного надзора. Тогда выступил Крестный и рассказал начальнику подробно, как в прежнее время обходились с убитым медведем. В то время охотник вез медведя в Москву в неупакованном виде, и слава его росла от станции к станции. В Москве медведя везли открыто в санях прямо к Лоренсу, где охотник заказывал или чучело или ковер. Лоренс принимал медведя и, когда приступал к вскрытию, приглашал охотника смотреть попадание.

– Больших денег стоила эта охота, – говорил Крестный, – кроме славы, охотнику ничего не доставалось, и какой же смысл в том случае отправлять медведя в упакованном виде!

После того молодой начальник стал сдаваться и продиктовал мне расписку:

– Отправляю медведя в неупакованном виде и принимаю на себя все последствия.

Медведь по пути не ожил, и последствий никаких не было, но у меня в Вологде украли кошелек с багажной квитанцией на медведя. Я был очень взволнован, опасаясь в своем городке встретить формальности и мучиться с получением медведя до тех пор, пока не съедят его крысы в пакгаузе. Списав номер квитанции от шкуры другого медведя, я пригласил свидетелями товарищей и постучался было в комнату нашего ОПТУ. Там никого не было. Не было на месте начальника, дежурного станции, весовщика. Всех их мы увидели возле медведя и с ними была масса народу. Явился ломовик, медведя понесли на подводку. Десятки школьников бежали за санями, кто-то видел в окно, кто-то встретился. К трем часам дня весь город говорил о медведе, стали звонить знакомые и незнакомые, поздравлять, удивляться, расспрашивать.

Три года живу я на своей улице, и все меня тут знают, но уже на другой я должен давать свой адрес «рядом с Мелковым», а Мелков – лошадиный драч. В уезде, нанимая лошадь, постоянно говоришь «рядом с Мелковым».

Но вот я медведя убил. Мальчишки почтительно расступаются. Обыватели, сидя на лавочках около своих домов, слышу, между собой говорят:

– Курица в сердцах и то бросается, а поди-ка к медведю!

Вот слышу еще разговор:

– Где тут драч живет?

– Рядом с охотником.

– Это что медведя убил?

– Он самый, писатель известный по всей Московской губернии.

И они правы, я так понимаю теперь. Ничтожно время существования письменности в сравнении с тысячелетиями, прошедшими от начала борьбы человека с пещерным медведем.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Двадцатка – облегченное ружье двадцатого калибра.

2

Жакан – пуля для стрельбы из дробового ружья.